

Е.Н.Носов

СОВРЕМЕННЫЕ ДАННЫЕ ПО ВАРЯЖСКОЙ ПРОБЛЕМЕ НА ФОНЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

E.N.Nosov. Modern Findings Related To the Varangian Issue and Russian Historiographic Traditions.

Traditional understanding of the Norman problem is based on some interpretation of the Varangian legend of Russian chronicles and on the answers to the question about the role of Varangians in the formation of the Russian state. The approach to the solution of the problem is defined by two tendencies: Russian and Scandinavian. These tendencies had nationalist motivation and were mutually exclusive. However, already among Russian historians of the XIX century: Shakhmatov, Presnyakov, Klyuchevsky, Seredonin and Platonov a realistic approach developed in understanding of the Varangians' role in Russia. Should the historical science in Russia develop naturally, the Norman problem would have been over by the 30s of the XX century. The reality, however, turned out to be very much different. Science of the Soviet period was dominated by the simplistic Marxist social approaches. External, geographical and trade factors were not taken into consideration. New researches reduced the role of Varangians to a minimum or excluded it altogether.

In the late 50s and, especially, early 60s the ideological pressure on science slowed down. New researches appeared showing Scandinavian contribution to the culture of Russia. In 1965 a very important event took place: Norman discussion during the issue-oriented seminars conducted by Leo Klejn at Leningrad University. After that, Scandinavian researches in Russia, especially in Saint-Petersburg, became particularly active. The participants at the seminars: Lebedev, Bulkin, Nosov, Dubov, Nazarenko and others received new rich materials during the excavations. These findings allow addressing Slavonic-Scandinavian relations in the epoch of formation of the Ancient Russia at a new level.

«Норманский вопрос» или «варяжская проблема» в широком и традиционном понимании основывается на той или иной трактовке «варяжской легенды» русских летописей и ответе на вопрос о роли варягов в образовании государственности на Руси.

Вопрос был поднят еще в середине XVIII в. в трудах работавших в Петербургской академии наук немецких ученых Байера и Миллера, с критикой построений которых выступил Ломоносов. В дальнейшем он постоянно фигурировал в отечественной историографии, то затухая, то вспыхивая с новой силой, отражая, в конечном счете, сложный путь движения общественной и научной мысли России. Освещению этой проблемы в русской науке посвящено множество работ, и сейчас вряд ли имеет смысл их повторять (Мавродин 1949; Шушарин 1964; Шаскольский 1965; Рыдзевская 1978 и др.).

В определенной степени, то явно, а то завуалированно, подход к рассмотрению данного вопроса подпитывался двумя тенденциями. Одну из них можно назвать «российской». За ней стояла приверженность к национальному самоутверждению, отстаивание национального самосознания, признание самобытности русской-славянской культуры, отрицание всякого рода иноземных влияний. Тенденция вполне понятная, если следовать течению русской

общественной мысли, и в истории России отнюдь не новая, а в иных проявлениях и формах живущая и сейчас. Вторая тенденция — «скандинавская». Она основывается на романтической идеализации викингов и их эпохи, «золотого периода» скандинавской истории. Эта тенденция особенно ярко проявилась во второй половине XIX в. «Викинги» — образ национальной гордости скандинавов. Они предстают как бесстрашные путешественники и доблестные воины, опытные мореходы и искусные ремесленники, торговцы и колонисты, основатели городов и государств, посланники и князья, телохранители византийских императоров, носители всего прогрессивного.

Обе названные тенденции взаимно исключают друг друга, отталкиваясь от национальной и, в каждом случае, разной почвы. Стоящий за ними наивный патриотизм (впрочем, естественный для любой массовой культуры, будь то Россия или Скандинавия), периодически подогреваемый политически, ощутимо чувствуется и в наши дни. Достаточно взглянуть на десятки современных популярных книг о викингах, потоком издающихся на Западе, в которых яркими стрелами, пересекающими мир, показаны направления походов покорителей новых стран, достаточно вспомнить статьи типа «Рюрик — солевар из Старой Руссы» (Анохин 1994:

77-92), появляющиеся в нашей современной массовой литературе, чтобы убедиться в справедливости сказанного.

Однако нас должны интересовать, в первую очередь, не эти популярные и краеведческие работы, а движение мысли в академической сфере. Здесь же наблюдается определенная закономерность. Суть ее заключается в том, что в начале нашего столетия подход к вопросу о варягах на Руси в академической науке, под которой я понимаю науку, основанную на всестороннем критическом источниковедении, по существу, стал достаточно однозначен и позиции наиболее крупных исследователей русской истории сближались. Именно это позволило Ф.А.Брауну в 1925 г. заключить, что «дни варягоборчества, к счастью, прошли» (цитирую по: Шаскольский 1965: 12). Подобная ситуация в историографии объясняется тем, что этап формирования академической базы основных научных дисциплин, питающих историю, к этому времени завершился.

Трудами А.А.Шахматова была заложена фундаментальная основа изучения русского летописания, остающаяся таковой и в наши дни. Развитие либеральной русской исторической науки достигло своих вершин в сочинениях В.О.Ключевского и его школы. В числе блестящих представителей исторической мысли нельзя не упомянуть С.Ф.Платонова и А.Е.Преснякова. В области исторической географии появился прекрасный труд С.М.Середонина. Кропотливые сборы А.А.Спицына привели к формированию достоверной фактологической базы археологических источников древнейшего периода истории Руси. Если отрешиться от частностей, то, в традиционном понимании предшествующей историографии, все названные исследователи, а они представляют не только себя, а направления в науке, — норманисты. Это совсем не значит, что норманизм победил. В своей крайней форме он также проиграл. Суть заключалась в том, что незыбкое «национальное» противостояние и анализ выборочных сведений определяли теперь научную мысль, а реальный исторический факт, установленный на основе комплексного источниковедения. Были или нет варяги на Руси, сыграли или не сыграли они значительную роль в ранней русской истории — подобные вопросы стали достоянием прошлого. Требование времени заключалось в оценке роли скандинавов на Руси в свете установленных достоверных фактов.

Весьма примечательными в этой связи мне представляются рассуждения В.О.Ключевского в его «набросках по варяжскому вопросу». «Я, собственно, равнодушен к обеим теориям, и норманской и славянской, — писал В.О.Ключевский, — и это равнодушие выходит из научного интереса. В тумане ранних известий о наших предках я вижу несколько основных фак-

тов, составляющих начало нашей истории, и больше их ничего не вижу. Эти факты, которые приводят меня к колыбели нашего народа, остаются те же, с тем же значением и цветом, признаю ли я теорию норманистов или роксоланистов. Поэтому, когда норманист или роксоланист начнут уверять, что только та или другая теория освещает верным светом начало русской национальности, я перестаю понимать того и другого, то-есть становлюсь совершенно равнодушен к обоим» (Ключевский 1983: 113).

Мне думается, что при нормальном (естественном) развитии исторической науки пресловутый «норманский вопрос» был бы закрыт к тридцатым годам, а позиции отечественных и западных исследователей значительно бы сблизились.

К сожалению, случилось иное. В Советском Союзе насильственным внедрением всеобщей социологизации, примитивного марксизма, всепоглощающих понятий классовой борьбы, феодализма, формационности, как обязательной стадии развития общества, история (и археология как историческая наука) были поставлены на службу идеологии. Исконность, национальное своеобразие и экономический детерминизм были положены во главу угла исторических концепций. Все стало объясняться развитием аграрных обществ, накоплением прибавочного продукта, возникновением городов как центров сельских округ, пунктов концентрации дани и размещения феодалов и т.д. Места дальней торговли, торгово-военным путям, иноземным влияниям при таких построениях не оставалось. В этой ситуации, вполне естественно, варяги оказались не у дел. В новые концепции Б.Д.Грекова, С.В.Юшкова, М.Н.Тихомирова и других историков взгляды В.О.Ключевского не вписывались. Роль географического фактора в истории Руси, а он играл немалое место в концепциях многих маститых отечественных исследователей первой четверти века, замалчивалась. Обусловленность природной средой уступила место социологическим объяснениям.

Результаты сказались очень скоро. Если репрессии и гонения порой и обходили стороной представителей академической науки, то чувство самосохранения и стремление защититься от полной конъюнктурности заставляли их уходить в замкнутое источниковедение. Возникли две науки — официальная, до предела подчиненная идеологии тоталитарного государства и воплощавшаяся в обобщающих трудах, вузовских и школьных учебниках, и конкретная. Именно последняя и была той отдушиной, при которой можно было писать и заниматься наукой, оставаясь максимально искренним. Эта работа в области изучения ранней русской истории не прерывалась.

Перед самой войной экспедиция В.И.Равдоникаса провела значительные раскопки скандинавского могильника в урочище Плакун

в Старой Ладогe, а в 1945 г. в печати появилась первая информация о результатах этих работ (Равдоникас 1945: 40,41). Примечательно, что в том же номере Кратких сообщений ИИМК, что и статья В.И.Равдоникаса, Е.А.Рыдзевской была опубликована сводка сведений о Старой Ладогe в древнесеверной литературе, остающаяся ценнейшим источником вплоть до наших дней (Рыдзевская 1945: 51-65). Перед самой войной А.Н.Юзефович провел антропологические определения костных остатков из могильника у церкви Климента в Старой Ладогe и пришел к выводу, что значительная часть погребенных принадлежала германскому (скандинавскому) типу (работа, написанная для Кратких сообщений Института этнографии, к сожалению, не была издана). В предвоенные годы и позднее интенсивно вела сборы материалов по русскимкладам и ювелирному делу Г.Ф.Корзухина, оставаясь на объективистских позициях при конкретной оценке материала и т.д.

Можно было заставить замолчать исследователей, но нельзя было остановить саму мысль. Заложенные школой русской истории, традиции анализа источника, критического отношения к факту и интерпретации, приобретенные в стенах дореволюционных университетов, не исчезали при идеологическом окрике. Однако в целом разгром, учиненный за железным занавесом на востоке, отбросил отечественную историю далеко назад. Советская наука оказалась отрезанной от западной литературы, от знакомства с новыми течениями научной мысли, а воспитание новых поколений историков свелось к окрашенному марксизмом начетничеству. Утрачивалась традиция, утрачивалась способность мыслить и критически оценивать источник. Присутствие «правильной идеи» оправдывало вольное обращение с материалом. Прямым образом это касалось и археологии, где общие исторические или социологические выводы отнюдь не вытекают прямым образом из археологических данных.

Занавес нанес непоправимый урон и западной науке. Исследователи оказались оторванными от источников, от новых фактов (еще в начале 1960-х годов официальными властями не поощрялись визиты в СССР скандинавских археологов для изучения в музеях и архивах конкретных материалов эпохи викингов — см. Стальсберг 1994: 192). Настольными книгами (своего рода первоисточниками) западных археологов и историков, занимавшихся этим периодом русской истории, до самого последнего времени оставался труд Т.Арне (1914 г.), который, проехав по России и посетив многие музеи, смог издать каталог известных тогда находок скандинавского облика, и книга В.И.Равдоникаса, увидевшая свет в Стокгольме на немецком языке в 1930 г. (Арне 1914; Ravdonikas 1930). Характерно, что даже в солидных трудах

самого последнего времени многих скандинавских историков и археологов мы не найдем упоминаний о могильнике Плакун, о германских чертах в антропологии Ладоги и Шестовиц, обнаружим весьма поверхностное знакомство с материалами раскопок древнерусских городов и т.д., хотя эти факты, казалось бы, находятся в русле их построений. Объяснение лишь одно: эта информация, вполне доступная советским исследователям, на Западе долгое время просто не была известна.

Со второй половины пятидесятых годов, с ходом хрущевской либерализации жизни страны, начинает ослабевать и идеологический прессинг на общественные науки, что ощутимо проявилось не сразу, а к началу 1960-х годов. Наряду с этим, пятидесятые годы явились годами интенсивных раскопок поселений и могильников, которые имеют принципиальное значение для понимания роли норманнов в Восточной Европе. Продолжалось систематическое археологическое изучение Ладоги, гнездовского могильника, крупных курганных комплексов на Верхней Волге и т.д. (обзор работ по этим памятникам с упором на скандинавскую тематику см.: Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 227-230). Все это давало новый материал, который постепенно входил в научный оборот, независимо от характера его общей оценки исследователями.

Начало 1960-х гг. ознаменовалось появлением целого ряда работ, посвященных изучению археологических материалов, отражающих связи Скандинавии и Руси, что свидетельствовало о явном оживлении интереса к «варяжскому» вопросу. Не стремясь к представлению полной библиографической сводки, назову лишь некоторые исследования, отражающие, на мой взгляд, существовавшую тенденцию.

Несомненно, следует подчеркнуть роль Г.Ф.Корзухиной в области критического осмысления археологических материалов, отражающих скандинавские влияния на Руси. Особенно это хотелось бы отметить в связи с ее теплым и критическим участием в становлении как исследователей многих молодых археологов-медиевистов Ленинграда. В 1963 г. Г.Ф.Корзухиной была опубликована статья об истории игры на Руси, в которой было доказано, что игра в шашки была занесена на Русь с севера (Корзухина 1963: 89,100), в 1964 г. работа о находках скандинавских вещей близ Торопца (Корзухина 1964: 297-312). В следующем году увидела свет заметка о находке отливки фибулы с Рюрикова городища под Новгородом, принадлежащей скандинавскому кругу древностей (Корзухина 1965: 45-46), а в 1966 г. блестящий этюд о ладожском топорике, найденном Н.И.Репниковым в 1910 г. Г.Ф.Корзухина пришла к заключению, что мастер, создавший топорик, был выходцем из Швеции (Корзухина 1966а: 94). В 1961 и 1966 гг. появились работы Г.Ф.Корзухи-

ной, имеющие принципиальное значение для понимания ключевых моментов в хронологии и стратиграфии древнейшего ладожского поселения и его ранней истории (Корзухина 1961: 76-84; 1966б: 61-63), а в 1968 г. проведены новые раскопки скандинавского могильника Плакун (Корзухина, Давидан 1969: 16-17).

В самом начале 1960-х годов увидели свет исследования о ладожских глиняных дисках (Штакельберг 1962: 109-115), о резной кости и гребнях из Ладоги (Давидан 1961: 16-18, 1962: 95-108). В них отчетливо проглядывали северные аналогии материальной культуры, представленной в Ладоге. В 1963 г. появилась коллективная публикация Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников, содержащая обширные данные для изучения русско-скандинавских отношений по материалам археологии (Ярославское Поволжье 1963). Е.А.Шмидт в 1963 г. издал интереснейшие результаты раскопок могильника Новоселки поблизости от Гнездова (Шмидт 1963: 114-127), которые, хотя сам автор был крайне осторожен в оценках, позволяли поставить вопрос о скандинавских древностях конца IX в. в этом районе. В начале 1960-х гг. сотрудниками ГИМ (В.С.Дедюхина, М.В.Фехнер, В.П.Левашова) готовились, а в 1967 г. были опубликованы сводки различных украшений X-XIII вв., найденных на территории Древней Руси, в числе которых были учтены и скандинавские импорты — фибулы, гривны, браслеты (Очерки 1967). В 1966 г. М.В.Фехнер рассматривала вопросы происхождения и датировки железных гривен, а в следующем году — археологические данные по торговле Руси со странами Северной Европы (Фехнер 1966: 101-104; 1967: 33-41). В 1967 г. под руководством И.И.Ляпушкина начались раскопки гнездовского поселения (Ляпушкин 1971: 33-37). В 1967 г. в историографическом обзоре М.И.Артамонов, рассматривая вопросы расселения славян в освещении советских археологов, отмечал, что «новая хронология заселения славянами северо-западной области заставляет пересмотреть старый вопрос о славяно-варяжских (норманнских) отношениях». В частности, он полагал, что варяги появились в Приладожье раньше славян и нельзя исключать проникновение варягов на Днепр ранее конца IX в. (Артамонов 1967: 68). В статье 1968 г. Н.В.Тухтина заключила, что «волховские сопки оставлены скандинавами, жившими в Старой Ладоге» (Тухтина 1968: 192).

Как мы видим, в 1960-е гг. наблюдался стихийный ответ на долгий запрет свободного обсуждения варяжской темы на археологическом материале и идеологические послабления в исторической науке. Подчеркну, что приведенные многочисленные даты публикаций работ — это именно даты их выхода в свет, предполагающие предшествующие годы исследований и размышлений. К середине десятилетия стало

ясно, что роль археологии в разработке проблемы русско-скандинавских отношений постоянно растет. В статье об археологических данных по варяжскому вопросу, А.В.Арциховский в 1966 г. справедливо заметил, что эта проблема «чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии» и «археологические материалы по этой теме уже многочисленны и, что самое главное, число их из года в год возрастает» (Арциховский 1966: 40).

В атмосфере новых веяний в исторической науке в 1965 г. была издана монография И.П.Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной науке» (Шаскольский 1965: 1965), которой предшествовали несколько авторских статей по этой тематике. Всегда осторожный в жизни и в науке, что вполне понятно, учитывая годы творчества И.П.Шаскольского (и что вряд ли заслуживает осуждения), историк построил свою книгу на критической оценке современного норманизма, норманистской литературы о Начальной летописи, теории норманнского завоевания, норманнской колонизации в работах археологов и историков. Книга оказалась чрезвычайно ценной для исторической аудитории. Дело в том, что И.П.Шаскольский детально излагал концепции западных исследователей по варяжской проблеме и истории Древней Руси, обильно цитировал их труды, привел огромное количество литературы, в том числе почти недоступной в СССР. Он, если так можно выразиться, «просвещал» отечественную историческую среду, не знакомую или знакомую весьма поверхностно со взглядами западных коллег. Критические суждения и оценки, в конце концов, каждый делал сам.

В этой мозаике стихийного возрождения интереса к варяжской проблеме в стенах Ленинградского университета на кафедре археологии, на «Проблемном семинаре», руководимом Л.С.Клейном, в 1965 г. была проведена «Норманнская дискуссия», тридцатилетнему юбилею которой и была посвящена конференция в 1995 г. Она заключалась в публичном обсуждении участниками семинара указанной выше монографии И.П.Шаскольского. Через несколько лет в сборнике трудов Ленинградского отделения Института истории СССР, одним из редакторов которого являлся И.П.Шаскольский, был опубликован итоговый результат дискуссии в виде обширной статьи «Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 226-252). Г.С.Лебедев справедливо замечает, что ее публикация стимулировала дальнейшее изучение археологического аспекта «норманнской» проблемы (Лебедев 1995: 68).

Являясь участником семинара с 1966 г., я бы отметил его значение не только в том, что он привлек интерес молодого поколения архе-

ологов к «варяжским темам» (я показал, что этот интерес стихийно возрастал повсеместно), а в том, что Л.С.Клейну в силу его несомненно-го педагогического таланта, уважительного и тактичного отношения к исследованиям студентов, удалось создать подлинную творческую атмосферу научной работы, критической оценки источников и общих построений, показать, что можно и нужно заниматься «непопулярными» в официальной науке темами, ибо без этого картина получается односторонней. Мы казались себе подлинными первооткрывателями. Наш критицизм усиливался и тем, что в эти годы среди участников семинара стали популярными взгляды И.И.Ляпушкина, обратившегося к изучению древностей Северной Руси и пересмотревшего устоявшиеся оценки памятников лесной зоны. Практически всем составом семинара мы приняли участие в раскопках И.И.Ляпушкина 1967 и 1968 гг. на гнездовском поселении.

Однако, «варяжский» вопрос не существует сам по себе, он существует только в рамках общих концепций истории Древней Руси. Если меняется отношение к оценке роли скандинавов в той или иной сфере жизни древнерусского общества, это значит, что меняются в целом научные ориентиры. Я думаю, что в 1960-е годы мы, участники семинара, до конца этого не осознавали. Хотя весьма показательно, что, отталкиваясь от «варяжских тем», обращая на них особое внимание, многие участники семинара все больше уходили в историю финнов, балтов, славян, а их исследовательские интересы охватывали значительные территории Восточной Европы и широкие хронологические периоды.

Эту связь варяжского вопроса и общих представлений о ранней истории Древнерусского государства прекрасно иллюстрирует пример со статьей двух участников семинара В.А.Булкина и Г.С.Лебедева «Гнездово и Бирка» (Булкин, Лебедев 1974: 11-17). Эта небольшая статья, по существу, открыла совершенно новую страницу в послевоенной историографии, посвященной проблеме происхождения городов на Руси. Некоторая непоследовательность ряда заключений и декларативность выдвинутых тезисов не снимает значимости отстаиваемых в статье взглядов. Во-первых, в ней впервые в советской историографии за многие годы было четко заявлено о значительной (а иногда даже определяющей) роли международной торговли в процессе становления первых городов, во-вторых, выделен на территории Восточной Европы особый тип торгово-ремесленных предгородских поселений, аналогичных по типу североевропейским викам, а в-третьих, процесс становления городов на Руси, по крайней мере, располагавшихся на крупнейших международных путях, был сопоставлен и увязан с аналогичным процессом в Скандинавии.

Существование на Руси особого типа торгово-ремесленных поселений было сразу напрямую отвергнуто лишь Д.А.Авдусиным. По его мнению, «рассуждения» о виках и открытых торгово-ремесленных поселениях — это не «исследование исторической закономерности возникновения древнерусских городов», а «приспособление к русским условиям построений западных археологов» и почти неприкрытый норманизм. Эти «рассуждения», отмечал Д.А.Авдусин, «перекликаются с давно разбитой теорией «торговых городов» В.О.Ключевского» (Авдусин 1980: 39-42). Последнее замечание нам особенно ценно, поскольку оно верно. Действительно, имеется определенное сходство построений В.А.Булкина и Г.С.Лебедева и идей В.О.Ключевского, сходство, которого сами авторы, как мне кажется, не поняли, во всяком случае, они о нем не упоминали.

Стоит напомнить некоторые ключевые моменты концепции нашего знаменитого историка. В.О.Ключевский тесно увязывал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривал их генезис как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего восточную, имея в виду выходы славян к черноморскому, азовскому и каспийскому рынкам (Ключевский 1956: 127, 128, 148-150; 1994: 20-38). Историю Руси В.О.Ключевский начинал с VI в., когда о славянских племенных союзах в районе Карпат можно уже говорить достаточно определенно. Аварское нашествие вызвало передвижение славян в восточном и северо-восточном направлении, и в VII-VIII вв. мы застаем славянское общество на стадии разложения племенных и родовых союзов. На новых местах, занятых в процессе колонизации, славяне селятся отдельными дворами, прежние связи распадаются, родство заменяется соседством, начинает формироваться «новое сцепление», обусловленное уже экономическим интересом, движущей силой которого была внешняя торговля с Востоком. Торговля стягивала одиночные дворы в сельские торговые средоточия (погосты), потом в большие торговые города с тянущими к ним областями. Эти города возникли в VIII в. как сборные места торговли, пункты складирования и отправки русского вывоза, они были посредниками между городскими округами и приморскими рынками. В IX в. города окружаются укреплениями, в них сосредотачивается военная сила общества, одной из основных целей которой была охрана торговых путей, спланиваются тянущие к городам территории. «Вооруженный торговый город, — полагал В.О.Ключевский, — стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства» (Ключевский 1994: 23). В одно время с превращением уже существующих городов в

политические центры, а прилегающих к ним областей — в государственные территории, на торговых путях Восточной Европы появились норманны. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем приток заморских выходцев усиливается. Норманны активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси, которые В.О.Ключевский называл «торгово-военной аристократией». Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тянущей к нему областью получал характер варяжского владения.

В настоящее время заключение, что на Руси в VIII-X вв., как и в некоторых странах Балтики, существовал особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского плана, которые возникли благодаря активному участию в международной торговле, контролю над важнейшими торговыми путями, развитому ремеслу, обслуживавшему новый социальный (военно-дружинный) слой общества, рассматривается как достоверный факт. Подобный путь формирования первых городов на Руси не был всеобщим и единственным, но для нескольких центров, прежде всего в северной части страны он очевиден (Ладога, Рюриково городище — древнейший Новгород, Гнездово). Возникновение части древнерусских городов на основе подобных центров, подкрепляемое новыми археологическими материалами, действительно перекликается с предложенной еще в начале века схемой В.О.Ключевского (Носов 1993: 59-78; Nosov 1994: 185-196). Таким образом, на уровне анализа концепций варяжский вопрос не отделим от той или иной трактовки основных представлений о начальной истории Руси.

В настоящее время, благодаря новым материалам, полученным прежде всего археологией, можно отметить ряд достоверных позиций, которые определяют подходы к рассмотрению варяжского вопроса.

1. Скандинавы впервые появились на территории Руси в середине VIII в. в Ладоге с самого начала существования поселения.

2. Со второй половины — последней четверти VIII в. начал активно функционировать «восточный» путь, основные направления которого четко высвечиваются находками кладов.

3. Пласт ранних скандинавских находок VIII-IX вв. прослеживается в зоне балтийско-волж-

ского пути (Поволховье, Волго-Окское междуречье).

4. Варяги были представлены воинами, торговцами, ремесленниками. В ряде центров они жили постоянно, семьями.

5. Иногда скандинавское влияние прослеживается по антропологическим материалам (грунтовые захоронения у церкви Климента в Ладоге, Шестовицы, могильник Куреваниха в бассейне р.Мологи).

6. Одним из путей становления городов на Руси был путь через торгово-ремесленные поселения, аналогичный варианту формирования городов в центральной части Балтийского региона.

7. Восточный путь и система водных коммуникаций в лесной зоне Восточной Европы сыграли важнейшую роль в формировании структур расселения, образовании городов и тянущих к ним территорий.

Все перечисленные факты, установленные на археологических материалах, при учете новейших наблюдений и выводов, сделанных историками и филологами, занимающимися русско-скандинавскими отношениями, создают совершенно иную базу для решения многих ключевых проблем русской истории, нежели та, на которую можно было опираться несколько десятилетий назад. Проступающие контуры новой концепции истории Руси во многом восходят не к построениям Б.Д.Грекова, С.В.Юшкова и М.Н.Тихомирова, а к русской исторической мысли начала столетия — В.О.Ключевскому, С.Ф.Платонову, А.Е.Преснякову. Путь вперед в наши дни должен аккумулировать лучшие достижения либеральной отечественной историографии, незаслуженно отброшенные в тридцатые — начале пятидесятых годов нашего столетия. Варяжский вопрос, как вопрос о роли скандинавов в начальной русской истории, в новых построениях займет совершенно определенное место и должен решаться на основе строгого анализа фактического материала, а не заданных идеологических установок.

Что же касается определений «норманизм» или «антинорманизм», то, стремясь избежать недопонимания или двусмысленности, я бы старался их избегать, поскольку они отягощены «богатым» наследием и, строго говоря, к академической науке отношения не имеют.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. 1980. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории 12: 24-42.

Анохин Г.И. 1994. Рюрик — солевар из Русы // Человек 4: 77-92.

Артамонов М.И. 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Историографи-

ческий сборник: 29-69. Л. Издательство Ленинградского университета.

Арциховский А.В. 1966. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси: 86-41. М. Наука.

Булкин, В.А., Лебедев Г.С. 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов) // Культура средневековой Руси: 11-17. Л. Наука.

- Давидан О.И. 1961. Резная кость Старой Ладogi // Сообщения Государственного Эрмитажа XXIII: 16-18. Л.
- Давидан О.И. 1962. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 95-108. Л.
- Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв.: 226-252. Л. Наука.
- Ключевский В.О. 1956. Курс русской истории. Сочинения. Т.1. М. Издательство социально-экономической литературы. 428 с.
- Ключевский В.О. 1983. Наброски по варяжскому вопросу // В.О.Ключевский. Неопубликованные произведения: 113-123. М. Наука.
- Ключевский В.О. 1994. Боярская Дума Древней Руси. М. Ладомир. 547 с. (Репринт с третьего издания 1902 г.).
- Корзухина Г.Ф. 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладoge // СА 3.
- Корзухина Г.Ф. 1963. К истории игр на Руси // СА 4: 85-101.
- Корзухина Г.Ф. 1964. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // Скандинавский сборник VIII: 297-312.
- Корзухина Г.Ф. 1965. Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА 104: 46,46.
- Корзухина Г.Ф. 1966а. Ладожский топорик // Культура Древней Руси: 89-96. М. Наука.
- Корзухина Г.Ф. 1966б. К уточнению датировки древнейших слоев Ладogi // Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии: 61-63. Тарту.
- Корзухина Г.Ф., Давидан О.И. 1969. Раскопки на урочище Плакун в Старой Ладoge // Археологические открытия 1968: 16-17. М. Наука.
- Лебедев Г.С. 1995. Петербург как центр региональной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып.1: 56-88. СПб.
- Ляпушкин И.И. 1971. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России: 33-37. Л. Издательство Ленинградского государственного университета.
- Мавродин В.В. 1949. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л.
- Носов Е.Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики): 59-78. СПб: Центр «Петербургское востоковедение».
- Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. 1967 // Труды ГИМ 43. М.
- Равдоникас В.И. 1945. Старая Ладoga // КСИИМК АН СССР XI: 30-41.
- Рыдзевская Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладoge в древнесеверной литературе // КСИИМК АН СССР XI: 51-65.
- Рыдзевская Е.А. 1978. О роли варягов в Древней Руси // Е.А.Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв.: 128-142. М. Наука.
- Стальсберг А. 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические Вести 3: 192-200. СПб.
- Тухтина Н.В. 1968. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь: 188-193. М. Наука.
- Фехнер М.В. 1966. О происхождении и датировке железных гривен // Археологический сборник / Труды Государственного исторического музея 40: 101-104. М.
- Фехнер М.В. 1967. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X-XI вв. // Новое о прошлом нашей страны: 33-41. М. Наука.
- Шаскольский И.П. 1965. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.-Л.
- Шмидт Е.А. 1963. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области (МИСО) V: 85-128. Смоленск. Смоленское книжное издательство.
- Штакельберг Ю.И. 1962. Глиняные диски Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 109-115.
- Шушарин В.П. 1964. Современная буржуазная историография Древней Руси. М.
- Arne T.J. 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala.
- Nosov E.N. 1994. The emergence and development of Russian towns: some outline ideas // Archaeologia Polona 32: 185-196.
- Ravdonikas V.I. 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.